

УДК 94(47).041

DOI: 10.25629/НС.2023.02.03

«ОГНЕННЫЕ КАЗНИ» ЕРЕТИКОВ В КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – НАЧАЛА XVI ВВ.

Сдирков А.В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является развитие в официальной идеологии Великого княжества Московского второй половины XV – начала XVI вв. представлений о необходимости сожжения еретиков. Данная проблема раскрывается на основе изучения публицистических произведений и канонических текстов, в которых упоминается о сожжении. Целью исследования является показать, что именно в этот период идея о необходимости жесткого ответа еретикам, вплоть до применения к ним суровых казней, становится ключевым мотивом творчества московских книжников.

Укрепление политических позиций Московской Руси во второй половине XV в. сопровождалось активной идеологической работой, направленной на создание образа великого князя московского как защитника православия. Для этого в начале 1460-х гг. создается «Слово избрано от святых писаний» – важнейший публицистический памятник, прославляющий великокняжескую политику и осуждающий Флорентийскую унию и митрополита Исидора. Именно здесь впервые упоминается о необходимости сожжения еретиков со ссылкой на некие «апостольские правила». При этом фрагмент «Слова избраного», содержащий фразу о сожжении еретиков, продолжал неоднократно воспроизводиться в московских летописных сводах конца XV – начала XVI вв. Судя по всему, его актуализации способствовала кампания против «жидовствующих», закончившаяся сожжением ряда еретиков в 1504 г.

Упомянутая выше ссылка на «апостольские правила» относится к Кормчим книгам. Единственный текст о сожжениях, содержащийся в Кормчей – это составленное в XIV в. апокрифическое «Правило 165 св. отец», грозящее огнем не только врагам церковного землевладения, но и всем, кто наносит «обиды» Церкви. Учитывая это, а также достаточно широкую известность «Правил», которое цитировали такие враги еретиков, как Геннадий Новгородский и Иосиф Волоцкий, было высказано предположение, что именно «Правило 165 св. отец» использовалось при редактировании той части «Слова избраного», которая относилась к сожжению еретиков.

Ключевые слова: сожжение еретиков, Исидор Киевский, каноническое право, Иван III, московская идеология, «жидовствующие».

Идея огня как средства наказания еретиков, безусловно, существовала задолго до 1504 г., когда были сожжены в срубях виднейшие представители так называемой ереси «жидовствующих». Летопись сообщает, что Ивана Волка Курицына, Митю Коноплева и Ивана Максимова 27 декабря 1504 г. сожгли в срубе в Москве, а Некраса Рукавова (которому к тому же отрезали язык), архимандрита Юрьева монастыря Кассиана и некоторых других еретиков сожгли в Новгороде [35, с. 371-372]. К примеру, в «Слове Иоанна Златоуста о осужении» из Трифоновского сборника (РНБ, Соф. 1262) конца XIV – начала XV вв. говорится о необходимости следовать церковным правилам, не уклоняясь ни направо – «в огонь с жида и с еретики», ни налево – «в скрежет зубом с идоломолци с иноверными» [5, с. 73, 79]. Очевидно, что здесь речь идет о посмертном воздаянии. Вместе с тем утверждалась и необходимость сожжения еретиков в земной жизни. В летописной «Повести о восьмом Флорентийском соборе» (далее – «Повесть»), окончание которой посвящено бегству митрополита-униата Исидора в Литву, упоминаются «святая правила святых апостоль», повелевающие нераскаившегося еретика сжечь или живьем

закопать в землю [35, с. 91; 36, с. 251]. Такая же формулировка встречается в послании митрополита Ионы литовским епископам о незаконности киевского митрополита Григория, которое А. С. Павлов датировал 1460 годом [42, с. 654-655]. Однако ничего подобного в апостольских правилах не говорится.

Послание Ионы литовским епископам, судя по всему, является компиляцией. О. А. Абеленцева отмечает, что данный текст известен не из митрополичьего формулярика ГИМ Син. 562, где содержится большинство других посланий митрополита Ионы, а из четырех сборников, самые ранние из которых – РНБ Соф. 1465 (конец XV – начало XVI вв.) и РНБ Соф. 1464 (начало XVI в.) [3, с. 282]. Нетипичным для предшествующих грамот Ионы, сообщающих о приходе Григория Болгарина – ученика Исидора, являются сравнения митрополита Исидора с «богоотступниками» [42, с. 647] Арием и Несторием (обычно его сравнивали с папой Формозом и еретиком Македонием) [3, с. 288]. Арий и Несторий упоминаются и в «Слове избраном от святых писаний, еже на латыню», важнейшем памятнике публицистики начала 1460-х гг., также направленном против унии и Исидора Киевского [38, с. 361]. Все это позволяет отнести данное послание к обширному периоду от 1460 г. до начала XVI в. [3, с. 442].

Интересна ситуация и с текстами «Повести». Здесь необходимо отметить, что «Повесть» существует в двух редакциях. Первоначальный вид первой редакции восходит к авторскому варианту иеромонаха Симеона Суздальского и известен под названием «Исидоров собор и хождение его» (список РГБ, ф. 178, № 939, л. 8 об. – 23) [15, с. 335]. Н. Ф. Дробленкова вслед за Л. В. Черепниным пишет, что данный текст был создан Симеоном не раньше 1447 г., когда Василий II вернул себе великое княжение, но до 1448 г., когда новым митрополитом вместо Исидора был избран Иона, о котором «Повесть» еще не упоминает. Впрочем, негативное отношение Симеона Суздальского к унии сформировалось гораздо раньше, что объясняется бегством иеромонаха из Венеции в Новгород, куда он прибыл весной 1440 г., то есть до возвращения Исидора [9, с. 199]. Второй вид первой редакции Повести возник позднее, под пером московских книжников (он имеет заглавие «Инока Симеона иерея Суздальца повесть, како римский папа Евгений состави осмый собор с своими единомышленники») [15, с. 335].

Вторая редакция «Повести» стала основой публицистического произведения «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню» (далее – «Слово избрано»), датируемого 1461-1462 гг. «Слово избрано» было написано с целью оправдать законность поставления собором русских епископов московского митрополита Феодосия, отстоять автокефальность русской церкви и прославить независимую политику великого князя московского Василия II [16, с. 401]. Таким образом, оно целиком и полностью лежит в русле московской официальной идеологии. На основе «Слова избрана» позднее был создан летописный вариант «Повести», который подвергся сильному сокращению [15, с. 335].

Более того, впервые летописная редакция «Повести» помещается в московском летописном своде конца XV в., восходящем к своду 1479 г. [3, с. 87]. А 1470-е годы как раз являются важнейшим периодом становления официальной московской идеологии и временем противостояния Новгорода и Москвы, завершившегося победой Ивана III. Собственно, великокняжеский летописный свод 1479 г., ставший основой дальнейшего московского летописания, был окончен вскоре после похода Ивана III на Новгород в 1478 г. (и окончательной ликвидации новгородской независимости), а временем его составления, видимо, следует считать 1480-е годы [47, с. 256-257]. К этому периоду (1487 г.) относятся и первые известия архиепископа Геннадия Новгородского о еретиках.

Итак, вторая редакция «Повести» является плодом творчества московских книжников. Принципиально важным является то, что именно в ней впервые упоминается о «правилах святых апостол», грозящих еретикам сожжением и зарыванием в землю [38, с. 378-379]. В первоначальной редакции «Повести» призывов к жестоким казням еретиков не было, они появляются в «Слове избраном». Напротив, в первой редакции «Повести» содержится фраза о желании сжечь сторонника православия, которая относится к конфликту между митрополитом Марком Эфесским и папой Евгением IV: «А прежде того папе на Марка глаголати зла много и огневи хотящи предати его» [1, л. 17]. Как видно, инициатива сожжения здесь исходит от папы-

еретика, а не от противника унии. Характерно, что в конце XV в., когда составлялся летописный вид второй редакции «Повести», подвергшийся заметному сокращению, фраза о сожжении еретиков была сохранена книжниками в полной мере, что свидетельствует о ее актуальности для московских властей.

Все это говорит о том, что именно из «Слова избрана» фрагменты «Повести о восьмом соборе», касающиеся бегства Исидора из Москвы, перекочевали в компилятивное послание митрополита Ионы (созданное, видимо, не раньше 1461-1462 гг., то есть уже после смерти предстоятеля) и летописные своды, прежде всего московские. 60-е и 70-е годы XV в. были временем масштабных идеологических исканий Москвы, претендующей на роль лидера в православном мире. Как пишет И. Мейендорф, эта позиция самоутверждения, которое вскоре приобрело мессианские формы, в значительной мере усилилась вслед за падением Константинополя в 1453 г. и назначением киевского митрополита Григория Болгарина в 1458 г. [29, с. 97-100]. Москва начинает активно использовать идею защиты православия в борьбе с «отступившим в латинство» Новгородом, кульминацией этого противостояния стал новгородский поход Ивана III в 1471 г. [45, с. 71-109].

В этот период активно обсуждаются (и осуждаются!) Флорентийская уния и митрополит Исидор. Как отмечает В. А. Водов, отрицательная оценка Флорентийской унии находит отражение в древнерусской письменности лишь в 50-е годы XV века, когда в Литве развил свою деятельность ученик Исидора Григорий, провозгласивший себя митрополитом, и посягнувший, таким образом, на юрисдикцию московской митрополии [13, с. 46]. При этом выпады против Григория продолжились и после того, как он признал власть константинопольского патриарха [23, с. 370-371]. К числу подобных «выпадов» относится и указанное выше компилятивное послание митрополита Ионы литовским епископам.

Еще В. Е. Вальденберг писал, что такие произведения «флорентийского цикла», как «Слово избрано на латыню», «Повесть о восьмом соборе» и другие – не столько исторические, сколько церковно-политические, написанные с целью выяснить отношение русского общества и Русской церкви к Флорентийской унии [12, с. 170-171]. Примечательно, что в «Слове избраном» падение Константинополя напрямую связывается с деятельностью Исидора, который, как утверждается, погубил царствующий град «смятением латыньския ереси» [38, с. 384]. В это же время в русской публицистике появляется формула «изрушения» греческого православия, как московская реакция на поддержку константинопольским патриархом попыток внедрить в епархиях Московской митрополии Григория, в котором церковные и светские власти Москвы продолжали видеть ставленника Рима, «латынина» [44, с. 112].

Одним из следствий такой идеологической подготовки стала актуализация темы сожжения еретиков в «Слове избраном». Вместе с тем обращает на себя внимание неподдельный интерес московских книжников конца XV – начала XVI вв. к теме обличения ереси великокняжеской властью, поскольку главным инициатором смещения Исидора в «Повести» выступает именно великий князь московский Василий II, который не только «позна Сидора волкохищнаго ересь», но и первый посрамил его, назвав вместо учителя волком [37, с. 259]. В Софийской II летописи (свод 1518 г.) роль великого князя в обличении Исидора еще более усилена [3, с. 116]. В условиях повышенного интереса властей к антиеретической тематике эти книжные построения могут выглядеть как попытка оправдания будущей (или совершившейся) расправы Ивана III над еретиками.

Итак, в среде московской официальной книжности конца XV в. был хорошо известен текст, где упоминается о сожжении и закапывании живо еретиков согласно «правилам святых апостол». Очевидно, здесь имеется в виду Кормчая книга, содержащая как апостольские, так и другие канонические правила. На Кормчую книгу ссылается в «Повести» и великий князь Василий Васильевич, велев начать разбирательство в отношении Исидора по «божественным священным правилом святыхъ апостоль и богосъставленныхъ седми зборовъ святыхъ отецъ» [37, с. 259]. То же самое делает и митрополит Иона в послании-компиляции: «... церкви русскаго благочестия держитъ святаа правила и божественны законъ святыхъ апостоль и уставъ святыхъ отецъ» [42, с. 653].

Но о сожжении еретиков, как уже было сказано выше, традиционное каноническое право не упоминает. Церковные каноны не распространялись на еретиков, а общение верных с еретиками всячески ограничивалось. Византийское законодательство предусматривало смертную казнь для еретиков, однако там речь не шла о сожжении. В частности, в Прохироне, известном на Руси как «Закон градский», говорится либо о казни мечом, либо о «конечной муке». На эти нормы ссылался, в частности, Иосиф Волоцкий («божественными правилами, иже от градских старцев»), но такая позиция вызвала протест традиционалистов, прежде всего заволжских старцев. К слову, в самой Византии известно всего лишь два случая смертной казни еретиков за IX – XV вв. Первый случай – сожжение на костре богомила Василия в XI в., а второй – утопление в море еретика Ювеналия, которому предварительно отсекали руку, язык и уши [40, с. 485; 8, с. 201, 205, 209; 19, с. 110; 28, с. 485; 27, с. 44]. Все это говорит о нераспространенности данной казни в православной традиции и переосмыслению ее в ходе борьбы с «жидовствующими».

Тем не менее, в Кормчей схожее указание есть. Оно содержится в апокрифическом «Правиле 165 святых отец» (далее – «Правило»), которое обрушивается на «обидящих церкви Божья» и защищает церковное землевладение. «Правило» грозит суровой карой тем, кто осмелится его нарушить, невзирая на их высокое звание: «Аще ли саномъ гордящихся негодовати начнуть нашего повеленья, истинному правилу непокорящеся святыхъ отецъ, въ какомъ сану но буди въ васъ, или воевода, воеводства чюжь, или воинъ, воинства чюжь. Паки же вельемъ негодованьемъ начнуть негодовати, забывъ вышнии страхъ, оболькшеся в бестудье, *повелевати наша власть техъ огнемъ сжещи* (курсив мой – А. С.); дома же ихъ святымъ божимъ церквамъ вдати, ихже обидеша» [42, с. 145-146]. В Кормчих, современных расправе над еретиками в 1504 г., оно также встречается [2, л. 578об].

На первый взгляд, «Правило» обращено только к тем, кто незаконно отнимает церковные «села и виноградъ», однако это не так. Далее говорится, что оно действует в отношении тех, «кто и сану преобидети начнетъ, или суды всхищати церковная и оправдания, или привлекающе насильемъ епископа и попа и дьякона и всякого, просто рещи, священническаго чина» [42, с. 145]. Это означает, что «Правило» можно было толковать максимально широко, применительно к любой «обиде», нанесенной церковным властям.

Вполне вероятно, что источником «обиды» могли стать и еретики. В тексте «Правил» из митрополичьего формулярника ГИМ Син. 562, вместо «и сану преобидети начнет» написано «в сану преобидети начнет» [43, с. 141]. А. И. Плигузов отметил, что незадолго до 15 июля 1504 г. уже существовал корпус текстов, затем включенный в формулярник на лл. 16-223 [34, с. 20]. В число этих текстов входит и «Правило» (л. 96 об. – 97), опубликованное в РФА под № 30. Если учесть, что первая часть формулярника была составлена в канцелярии митрополита Симона в 1504-1507 гг., то есть на завершающем этапе антиеретической кампании Ивана III, а в декабре 1504 г. состоялась казнь еретиков в Москве, можно полагать наличие прямой связи между включением «Правил» в состав митрополичьего формулярника и борьбой с еретиками. Я. С. Лурье считал, что антиеретическая тематика в принципе была очень важна для составителей Син. 562, включивших туда материалы против ереси стригольников, написанные почти век назад [20, с. 231].

Избирательность духовных властей в толковании «Правил» подчеркивает послание митрополита Филиппа в Новгород 1467 г. о неотчуждаемости церковных сел и имений. Ссылка на «Правило» здесь выглядит так: «Аще кто в сану своемъ гордяся, и начнетъ преобидети святыхъ церкви, или монастыремъ даное всхищати, граблениемъ отымати данное Богови, четверицею да отдасть всячь церковное, а непокаряющеся своея власти лишени будутъ» [43, с. 63]. Ни о каком сожжении «обидящих» Церковь речи не идет, митрополит лишь призывает новгородцев не покушаться на церковные земли. Совсем иначе выглядит послание будущего гонителя еретиков новгородского архиепископа Геннадия князю Борису Волоцкому 1485 г. (см. ниже), где тоже идет речь о защите церковного землевладения. Фрагмент с угрозой сожжения «негодующих» там приведен полностью.

Необходимо отметить, что «Правило 165 святых отец» имело достаточно широкое хождение уже с последней четверти XIV в. Оно вошло в состав так называемой «Власфимии» (сборника против еретиков и симонии), сохранившегося в списке кон XIV в. (РНБ, Соф. 1262) и двух сборниках рубежа XIV–XV вв. (ГИМ Чуд. 21 и РГАДА, Саров 2) [22, с. 106, 227]. «Правило» записано также в старшем списке Мясниковской редакции (РНБ, Q.П.49, 1410-е гг.), куда оно было выписано из Кормчей Чудовской редакции. Вообще из всех редакций Кормчих книг оно известно только по Чудовской редакции (где оно указано дважды!). Чудовская редакция, составленная, видимо, в XIV в., была самой распространенной на протяжении XV–XVII вв. и содержала большую подборку антилатинских и антиеретических сочинений вообще, в том числе против иудеев и «жидов» [22, с. 107, 128, 181, 183]. Таким образом, в глазах современников «Правило» с его угрозой сжечь «негодующих» на Церковь вполне могло быть обращено и к еретикам. Но как воспринимали «Правило» главные обличители ереси «жидовствующих»?

Прекрасно знал «Правило» Иосиф Волоцкий – один из главных защитников церковного землевладения и враг еретиков. «Правило» прямо цитируется в послании преподобного Иосифа И. И. Третьякову [39, с. 197]. Судя по всему, «Правило» привлекалось на церковном соборе 1503 г., в ходе которого иерархи выступили против покушения великокняжеской власти на монастырские земли. Во всяком случае, о нем упоминает «Соборный ответ 1503 г.» – две речи митрополитского дьяка Леваша Коншина, которые он должен был произнести перед Иваном III от имени митрополита Симона [39, с. 324; 31, с. 16]. Во второй речи присутствует аллюзия на это апокрифическое правило: «Аще имут обидети или вступатися во что церковное или в суды и управы и в пошрины и в десятины церковныя, святительския или отымати, – да будут прокляты в сей век и в будущий» [39, с. 326]. Впрочем, А. И. Плигузов считает «Соборный ответ» поздней иосифлянской компиляцией [33, с. 386]. В деятельности собора 1503 г. принимал участие Иосиф Волоцкий, о чем сообщает, например, Вассиан Патрикеев [19, с. 279]. Стоит отметить, что Иосиф, обосновывая необходимость сожжения еретиков, обращался к самым разным литературным сюжетам, в частности, русского происхождения. М. В. Корогодина относит к таким сюжетам рассказ «Просветителя» о сожжении епископом Львом Катанским еретика Илиодора, позднее включенный митрополитом Даниилом в свою Кормчую в качестве иллюстрации необходимости жесткого ответа еретикам [22, с. 378].

Немало писал о сожжении еретиков новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов). Здесь он учитывал в том числе испанский опыт. При участии Геннадия около 1490 г. был составлен «Рассказ об инквизиции», повествующий о сожжении по приказу испанского короля еретиков, уличенных в «жидовских ересьях» [6, с. 270]. Приверженцы иудаизма массово сжигались на кострах, а их имущество конфисковывалось в королевскую казну, о чем и говорится в «Рассказе» [32, с. 172–173], который в характеристике наказания перекликается с «Правилом 165 святых отец». Масштабы деятельности инквизиции в Испании были значительны. Например, только в Севилье в 1480–1487 гг. 700 евреев-еретиков были сожжены на кострах Торквемадой [14, с. 287].

Вместе с тем Геннадий был знатоком канонического права и стремился использовать Кормчую книгу для обоснования сурового наказания еретиков. Так, в ходе суда над новгородскими еретиками он ссылался на 45-е и 70-е правила св. апостолов [20, с. 376], по которым клирики, совершающие молитвы с еретиками, подлежат отлучению, а позволяющие еретикам священнодействовать – извержению из сана, как и совершающие праздники с евреями. Хорошо известно было Геннадию и «Правило 165 св. отец», на которое он ссылался еще в 1485 г. в своем послании князю Борису Волоцкому, прося о возвращении земельных владений Софийской церкви на Волоке [42, с. 753–760]. При этом он прямо цитирует ту часть «Правила», которая грозит сожжением отнимающим церковные земли [42, с. 758].

Таким образом, в русских Кормчих книгах можно было встретить только один текст, который мог служить обоснованием сожжения еретиков – «Правило 165 св. отец», отсутствовавшее в классической византийской церковно-правовой традиции. Что же касается зарывания еретиков в землю, то о нем русское каноническое право вообще не упоминает. Между тем, подобная ложная отсылка, какую мы видим в «Повести о восьмом соборе», отнюдь не является единичным примером для периода XV – XVI вв. Она может относиться к какой-то местной традиции.

Именно так случилось в 1468 г., когда произошел конфликт между жителями Пскова и новгородским архиепископом Ионой. Псковичи запретили вдовым попам служить, невзирая на угрозу отлучения со стороны Ионы [10, с. 214]. При этом они ссылались на Кормчую книгу («по правиломъ святыхъ отецъ и святыхъ апостоль») [41, с. 165], хотя известно, что в Кормчих традиционного состава правил о вдовых клириках не было, о чем и говорил архиепископ Иона [22, с. 262]. М. В. Корогодина пишет, что такое правило было только в Псковской Кормчей, куда включено послание митрополита Фотия в Псков о запрете служить вдовым попам. А. А. Манохин и А. Е. Тарасов отмечают уверенность Фотия в том, что в Пскове имеются авторитетные канонические тексты, а также указывают на произвольное толкование псковичами предписаний самого Фотия, запрещавшего мирянам вмешиваться в дела духовенства [26, с. 113-114]. Наиболее же показательной является ссылка на Кормчую в духовной грамоте Евфросина Псковского, написанной до 1479 г., где говорится о запрете монахам есть в кельях, кроме праздников; носить «немецкое платье» и пуховые шубы [4, с. 82]. Естественно, что ничего подобного в Кормчих книгах не было.

Зарывание в землю заживо действительно применялось в Московской Руси, но гораздо позже и не в отношении еретиков. В XVII в. так казнили женщин по Соборному уложению, как правило, за убийство мужей [21, с. 79]. Подобная практика сохранялась и позднее. Так называемый «Соликамский летописец» упоминает о закапывании заживо в землю двух женщин за мужеубийство 2 мая 1740 г. [11, с. 113]. Впрочем, иногда эта казнь применялась и к мужчинам, например, к поджигателям [11, с. 113]. В законах XV в., в отличие от Соборного уложения, она не встречается. Неизвестна она и в византийской правовой традиции [8, с. 208].

Видимо, ее истоки следует искать в народной культуре. В частности, в «Повести о посаднике Щиле», которую большинство исследователей относят к XV в. [17, с. 263], говорится, что новгородский посадник Щил задумал построить церковь на прибыль от своих ростовщических операций. Архиепископ Иоанн отказывается освятить церковь, построенную на эти деньги, и велит Щилу надеть саван и лечь в гроб в построенной церкви. Во время отпевания гроб с Щилом проваливается под землю и Щил оказывается в аду [17, с. 263-264]. Земля традиционно рассматривалась в славянской культуре граница между освоенным человеком пространством и хтоническим нижним миром, с ней связана фразеология, обозначающая приближение смерти [7, с. 315], а для грешников – и адских мук. М. Д. Каган отмечает, что само наказание грешника с ввержением в пропасть является характерным фольклорным мотивом [17, с. 264]. Это находит подтверждение и в апокрифической литературе. Так, в «Видении апостола Павла», популярном в XV в. апокрифическом сочинении, схожие мотивы ввержения в адскую пропасть встречается неоднократно. В частности, монахи, не оставившие мирской образ жизни и продолжавшие жить в грехах, изображаются погруженными в смердящую смолу [46, с. 53].

В целом же можно сказать, что, хотя к моменту начала борьбы с «жидовствующими» церковные и светские власти имели в своем распоряжении ряд текстов антиеретической направленности, фактически лишь «Правило 165 св. отец» можно было так или иначе применить для обоснования необходимости суровой расправы над еретиками. Для этого не обязательно было прямо ссылаться на нормы Кормчей книги. Как отмечает М. В. Корогодина, Кормчая привлекается не для решения насущных проблем, но для обоснования и придания авторитета уже вынесенному решению – причем автор не всегда заботится о том, чтобы найти действительно текст, входивший в Кормчую, но порой довольствуется «слепым» упоминанием, что его решение опирается на постановления Кормчей книги [22, с. 504]. Похоже, наличие в Чудовской редакции Кормчей, на которую опирались противники «жидовствующих», большой подборки антиеретических текстов породило среди ряда книжников представление о Кормчей книге именно как книге о еретиках, к которой можно апеллировать одним лишь упоминанием «правил святых апостол».

Особенно выделялось среди этих текстов апокрифическое «Правило 165 святых отец», хоть и обращенное в первую очередь к желающим отнять церковные стяжания и монастырские земли, но при этом имеющее весьма широкую трактовку. Актуализации «Правил» способствовали ожидания конца света в 7000 (1492) г., характерные для того периода. В течение всего

XV в. росла обеспокоенность людей о своей посмертной судьбе, что вызвало интерес не только к духовной литературе, но и к поминальной практике и сопутствующим ей вкладам в монастыри. Многие традиционные взгляды на те или иные явления, в том числе на отношение к еретикам, подвергались пересмотру.

Распространение в московской идеологии второй половины XV в. идеи о защите чистоты веры придавало особую важность вопросу о суровых карах для приверженцев еретических течений. Образ великого князя московского как борца за веру раскрывают «Словеса избранна от святых писаний» (не путать со «Словом избранным»). Этот литературный памятник был создан в окружении московского митрополита вскоре после победы Ивана III над новгородцами при Шелони в 1471 г. и вошел в Софийскую I летопись. В нем утверждается, что победа над отступниками-новгородцами, предавшими веру и обратившимися к «латинству», была дарована ему небесными силами за его благочестие и добродетели [10, с. 239]. Мотив отступничества становится ключевым и для обоснования жесткого ответа еретикам. К отступничеству еретиков «жидовствующих» будет апеллировать Иосиф Волоцкий, требуя предавать их самым лютым казням. Отступником назван митрополит Исидор в «Слове избраном» и в компилятивном послании митрополита Ионы [38, с. 384; 42, с. 647], где говорится о необходимости подвергать еретиков сожжению.

Судя по всему, именно «Правило 165 св. отец» использовалось московскими книжниками при редактировании той части «Слова избранна», которая относилась к сожжению еретиков. Впоследствии она была включена и в летописные своды. Значимость «Правил» для церковных властей XV – начала XVI вв. трудно переоценить. В этой связи представляется существенным, что один из виднейших критиков сожжения еретиков – Вассиан Патрикеев при составлении своего варианта Кормчей книги исключил оттуда «Правило» [19, с. 62], как и другие наиболее одиозные и сомнительные тексты с точки зрения отношения к ереси. К тому же московские книжники вполне могли представить еретиков собору 1504 г. как врагов церковного землевладения. В конце концов, они смогли это сделать с митрополитом Исидором в компилятивном послании Ионы, где Исидору, которого следовало «огнем сжести», дана нелестная характеристика «грабитель и враг церковный», который ограбил данные ему в управление «святыя церкви» и «поималъ безчисленное множество злата церковнаго» [42, с. 649]. Е. В. Белякова также считает пример с угрозой сожжения Исидора отсылкой к «Правило» [8, с. 208].

Наконец, нельзя исключать и причастность московских еретиков к секуляризационным планам Ивана III на соборе 1503 г. Великий князь уже давно вынашивал планы ограничения церковного землевладения и изъятия имений Церкви в пользу государства: ему необходимы были свободные земли, чтобы жаловать ими служилое дворянство [31, с. 12-13]. Вполне возможно, что для реализации своего замысла Иван III мог использовать еретиков, особенно если учесть, что осуждены они были только год спустя [31, с. 13]. Известно, что еще новгородский еретик Захар критиковал стяжательство иерархов и обвинял церковное руководство в симонии [20, с. 124], нанося, с точки зрения канонического права, «обиду» Церкви. Московские еретики также могли придерживаться схожих взглядов. В таком случае основанием для их осуждения (и сожжения!) вполне могло стать «Правило», а контекст антиеретического дела 1504 г. выглядит скорее политическим, чем религиозным.

Данная точка зрения получила распространение в современной историографии. Так, об искусственном соединении «новгородского» и «московского» эпизодов ереси пишет А. Е. Мусин. Он считает, что обличительные порывы Иосифа Волоцкого совпадали с интересами Ивана III, который находился в «смятенном состоянии» после падения придворной партии Елены Волошанки и Дмитрия Внука. Ересь иди даже отступничество окружения боговенчанного Дмитрия, действительные или мнимые, полностью лишали того царственной легитимности и требовали оправдания [30, с. 116-117]. Кроме того, само общение великого князя с еретиками грозило обострением и без того сложных отношений великого князя с иерархами. По наблюдению А. А. Манохина, никто не хотел признаваться, что получал поставление, крещение и отпущения грехов от святителя-еретика. И тем более не желал подобного Иван III, вынужденный просить прощения у простого игумена – Иосифа [24, с. 204].

Более того, похоже, что политический контекст преобладал в деле «жидовствующих» изначально, а сама ересь была искусственно сконструирована архиепископом Геннадием и Иосифом Волоцким [18, с. 160-176; 32, с. 153-220; 25, с. 412-430]. В пользу этого говорят решения собора 1490 г., которые не называют еретиков «жидовствующими» и наводят на мысль, что собственно ересь «жидовствующих» на соборе не осуждалась [25, с. 424]. Очевидно, что дальнейшее исследование вопроса о роли политического фактора в событиях 1504 г. невозможно без подробного изучения семантических истоков казни через сожжение в срубе, которой подверглись еретики. Необычный, исключительный характер экзекуции требовал специального обоснования, а понимание пенитенциарной логики врагов ереси может стать важным шагом на пути к постижению феномена «жидовствующих».

Библиография

Неопубликованные

1. ОР РГБ. Ф. 178. № 939. Сборник статей о Флорентийском соборе и Хождения Игнатия Смольянина и Стефана Новгородца. Сер. XVII в.

2. ОР РГБ. Ф. 304/1. №. 205. Кормчая. XVI в.

Опубликованные

3. Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб: Альянс-Архео, 2009. 468 с.

4. Акты археографической экспедиции. СПб: тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 1. 491 с.

5. Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб: Алетей, 2002. 347 с.

6. Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012. 559 с.

7. Белова О. В., Виноградова Л. Н., Топорков А. Л. Земля // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 315-321.

8. Белякова Е. В. К вопросу о влиянии византийского законодательства о еретиках на русскую правовую традицию // Миграции. Формирование Российского государства: Материалы Международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М.: ИРИ РАН, 2015. С. 198-217.

9. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.

10. Борисов Н. С. Иван III. М.: Мол. гвардия, 2000. 644 с.

11. Бруцкая Л. А. Берхов летописец и соликамские летописи XVII – XX вв. // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1994. С. 112-119.

12. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг: тип. А. Бенке, 1916. 463 с.

13. Водов В. А. Новгород и Флорентийская уния // Восточная Европа в исторической перспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 42-46.

14. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 408 с.

15. Дробленкова Н. Ф. Симеон Суздальский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 334-336.

16. Дробленкова Н. Ф. Слово избрано от святых писаний, еже на латыню // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 401-403.

17. Каган М. Д. Повесть о посаднике Щиле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 263-267.

18. Казаков А. А. Конструируя ересь: два обличительных свидетельства об архимандритах-«жидовствующим» // *Novogardia*. 2019. № 2. С. 160–176.
19. Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., Л.: АН СССР, 1960. 363 с.
20. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1955. 544 с.
21. Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб; Бостон: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 480 с.
22. Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII веков. СПб: Альянс-Архео, 2017. Т. 1: Исследование. 597 с.
23. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1960. 533 с.
24. Манохин А. А. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого в первой половине XVI столетия // *Novogardia*. 2019. № 4. С. 182-250.
25. Манохин А. А. Собор 1490 г. как основа конструирования «ереси жидовствующих» // *Христианское чтение*. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2021. № 4. С. 412-430.
26. Манохин А. А., Тарасов А. Е. Псковская подборка 14 архиерейских грамот и отстранение «вдовья попов» в 1468 г. // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2019. № 2 (14). С. 104-117.
27. Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб: Алетейя, 1997. 340 с.
28. Медведев И. П. Смертная казнь в толковании византийских юристов // *Правовая культура Византийской империи*. СПб: Алетейя, 2001. С. 479-498.
29. Мейендорф И. Флорентийский собор: причины исторической неудачи // *Византийский временник*. М.: Наука, 1991. Т. 52. С. 84-101.
30. Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X-XVI вв. СПб, 2013. 139 с.
31. Петрушко В. И. Московский собор 1503 г. // *Вестник ПСТГУ*. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 9-20.
32. Печников М. В. Иван III и новгородский розыск 1487-1490 гг. Ч. 2. // *Средневековая Русь: (сборник статей)*. М.: Индрик, 2020. Вып. 14. С. 153-220.
33. Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Квадрига, 2017. 420 с.
34. Плигузов А. И. Предисловие // *Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. Ч. 1*. М.: АН СССР, 1986. С. 3-8.
35. Полное собрание русских летописей. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 6. Вып. 2. 446 с.
36. Полное собрание русских летописей. Львовская летопись. СПб: тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 20. Ч. 1. 418 с.
37. Полное собрание русских летописей. Московский летописный свод конца XV в. М., Л.: АН СССР, 1949. Т. 25. 463 с.
38. Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М.: тип. Т. Рис, 1875. 417 с.
39. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л.: АН СССР, 1959. 390 с.
40. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. 3-е изд. Казань: тип. Императорского университета, 1896. 551 с.
41. Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Вып. 2. 363 с.

42. Русская историческая библиотека. СПб: тип. Императорской академии наук, 1880. Т. 6. 930 с.

43. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. Ч. 1. М.: АН СССР, 1986. 219 с.

44. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

45. Тарасов А. Е. Церковь и подчинение Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. М., СПб: Альянс-Архео, 2011. Вып. 12(22). С. 71-109.

46. Хождение апостола Павла по мукам // Памятники отреченной русской литературы. М.: в Университетской тип. (Катков и К°), 1863. Т. 2. С. 40-58.

47. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л.: АН СССР, 1938. 372 с.

“FIRE EXECUTIONS” OF HERETICS IN THE CULTURAL PARADIGM OF THE SECOND HALF OF THE XV – BEGINNING OF THE XVI CENTURIES

Sdirkov A.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The subject of this article is the development in the official ideology of the Grand Duchy of Moscow in the second half of the 15th – early 16th centuries ideas about the need to burn heretics. This problem is revealed on the basis of the study of journalistic works and canonical texts that mention burning. The aim of the study is to show that it was during this period that the idea of the need for a harsh response to heretics, up to the application of severe executions to them, becomes the key motive for the work of Moscow scribes.

Strengthening the political positions of Moscow Rus in the second half of the 15th century was accompanied by active ideological work aimed at creating the image of the Grand Duke of Moscow as a defender of Orthodoxy. For this, in the early 1460s “The Word is Chosen from the Holy Scriptures” is created – the most important journalistic monument, glorifying the grand-princely policy and condemning the Union of Florence and Metropolitan Isidore. It is here that the need for the burning of heretics is mentioned for the first time with reference to some “apostolic rules”. At the same time, a fragment of the “Word of the Chosen One”, containing the phrase about the burning of heretics, continued to be repeatedly reproduced in Moscow annals of the late 15th – early 16th centuries. Apparently, its actualization was facilitated by the campaign against the “Judaizers”, which ended with the burning of a number of heretics in 1504.

The above reference to “apostolic canons” refers to the Pilot Books. The only text about burnings contained in the Kormchay is compiled in the 14th century the apocryphal “Rule 165 of St. father”, threatening with fire not only the enemies of church land ownership, but also everyone who inflicts “offenses” on the Church. Considering this, as well as the rather wide popularity of the Rule, which was quoted by such enemies of heretics as Gennady Novgorodsky and Joseph Volotsky, it was suggested that it was the “Rule 165 of St. father” was used in editing that part of the “Word is Chosen”, which referred to the burning of heretics.

Keywords: burning of heretics, Isidore of Kyiv, canon law, Ivan III, Moscow ideology, “Judaizers”.